

СПАСЕНИЯ НЕТ

1

В Дели было 45,5. Красный уровень опасности. Аристов это сразу почувствовал, выйдя из прохладного терминала аэропорта к стоянке такси. Как в жаровне. Поправил лямку рюкзака и прощупал moneybelt под рубашкой. Муссон приходит с океана в июле. И начинается парилка, пот льет ручьями, но тело дышит. А сейчас июнь, и ты превращаешься в рассохшуюся глиняную фигурку, откопанную в исторически значащей пустыне. Возраст уже не тот, лет десять назад и не подумал бы, что может случиться что-нибудь нехорошее. А теперь мысль крутится: «Только бы не упасть от теплового удара – свезут в какой-нибудь индийский барак, страховку не купил из экономии, и положат в коридоре, натертом ядовито пахнущей хлоркой». В такси жужжал игрушечный вентилятор, ничего не добавляя и не убавляя, развинчивая или завинчивая адскую жару. «Ничего, доеду. А там возьму номер с кондиционером. Одну ночь пережить. А завтра автобусом в горы». Аристов прошел детекторную рамку, вставленную в дверной проем, и по ступенькам спустился в холл гостиницы. А capella вентиляторов ласкало слух. У виска Аристова приятно взвилась прядь волос. Номер с кондиционером в таких гостиницах считается повышенной комфортности, и их всего несколько, и стоят они double price. Идти же в обычный с вентилятором под потолком – смерти подобно.

Аристов оглядел комнату, поставил рюкзак в угол и потребовал, чтобы bellboy, коридорный, незамедлительно включил кондиционер. Начался индийский, знакомый с прошлых поездок, дурдом. Никогда бы не прилетел в июне, но такая дорожная карта, условия этого тура. Из коробки, похожей на советский ламповый радиоприемник, поступал теплый воздух. Аристов сказал коридорному, что кондиционер не работает, – на что получил ответ: нет проблем, через 15 минут всё будет ОК». Но через 15 минут не было никакого оея, а продолжал дуть самум. Коридорный покачал головой и ретировался. Через пару минут

с ним пришли двое. Они попеременно прикладывали ладони к радиаторной решетке, бурно обсуждая между собой, как показалось Аристову, какие-то посторонние дела. Затем, поговорив, как показалось Аристову, уже по делу и обнадежив, что придет мистер Вишнанатан и все будет окей, вышли вместе с коридорным. Пришел мистер Вишнанатан, в черных ботинках, начищенных до блеска, и длинной рубашке навыпуск, обтягивающей покатым холм живота, с обязательной авторучкой в нагрудном кармане. Он подошел к кондиционеру, постучал по корпусу и приложил ладонь к решетке. Появились и двое, за ними коридорный, остановившись в дверях. Мистер Вишнанатан повернулся к ним, резко вскинул светлую ладонь темной руки и грозно рявкнул. Их сдуло, как ветром. Следом вышел мистер Вишнанатан, так ни разу и не глянув на Аристова. Время зависло в безнадежном пространстве комнаты. Аристов разделся до трусов и сел на кровать в раздумьях, ни на что не надеясь.

Но в Индии всё возможно. И совсем скоро из кондиционера потянуло прохладным ветерком. Жизнь налаживалась. Прохлада гуляла по телу и шекотала подмышки. Аристов раскрыл рюкзак. Вытащил завернутую в свитер плоскую бутылку коньяка и колбасу в вакуумной упаковке. Хлеба не хотелось. Выпить, закусить и спать. Завтра бесконечная дорога. Открыл пластиковую бутылку воды с продавленным боком. Сполоснул стакан, вылив воду на пол bathroom(a). Выпил, закусил липкими кружочками колбасы. Включил телевизор. Отыскал новости BBC на английском и завалился на кровать. Под бесперебойную речь диктора и чехарду картинок легче будет заснуть. Нормальный английский – когда закрываешь глаза, чтобы не видеть, о чем там, и врубаешься, о чем там. Но Аристов не смог сосредоточиться на теленовостях, в голове открылся авторский канал телевидения, и выключить его не было никаких сил. В беспорядочной нарезке лихорадочно крутились последние сутки. Ночное такси в аэропорт с блатняком из приемника; паспортный контроль, сонный пограничник, клюющий носом; ночное такси теперь из другого ментального поля, вызывающие рвотные позывы резкие повороты, торможения, горячий загазованный воздух, пробирающий до печенок; залы ожиданий, перелет в затяжной турбулентности, залы ожиданий, никак не удалось поспать в самолете, только-только глаза слипаются и начинаешь уплывать молочными реками к кисельным берегам, как – хлоп тебе! – прoderгивает нервяк от лодыжки до корней волос, нет – не заснуть, тело и нервы потеряли гибкость, пластичность. Стал как старое сухое дерево. Ох и ах, но годы, годы! Эта правда жизни как-то, годик назад, шелкнула в ожидании ножницами, когда в парикмахерской Аристову предложили подстричь брови. Он наотрез отказался. Но время, время! Беспощадный Кронос, прожорливая Кали. Аристов открыл глаза, услышав родной язык. На экране, прогуливаясь по гранитной набережной, омбудсмен по правам человека отвечал на вопросы журналиста. Когда Аристов слышал это плохо выговариваемое слово, всегда хотелось пойти переобуться, с ложкой для задника. Аристов выпил еще, и пошел в bathroom. Душ шипел, сопел, но не работал. Наклонился над раковиной и почувствовал во рту солоноватый привкус. Кровь из носа. Этого еще не хватало. Глянул в зеркало – да не так чтобы очень, ничего, пройдет. Лег на кровать, подбил подушку, запрокинул голову; и пролежал так до утра.

Рикша, приподнимаясь с седла, когда дорога шла в горку, оборачивался и, прикладывая руку к голове, сообщал Аристову: «Жарко, очень

жарко!» Аристов сидел сзади, обхватив рюкзак на коленях, поправлял панаму лягушачьей расцветки, съезжающую на глаза, и кивал в ответ.

«Вот же, и возраста моего, и худой, как щепка, а крутит педали, черт индийский, как качок в тренажерном зале, и хоть бы хны ему». Велорикша подъехал к обочине дороги, по которой проносилось дребезжащее, чадающее и пылящее железо на колесах; гудящее и квакающее – а вот это сигнал велорикш; развернулся и сказал Аристову, что автобус следует ожидать здесь. «Здесь?» – неуверенно огляделся Аристов, не находя никаких знаков остановки транспорта. «Здесь!» – радостно кивнул рикша, помог Аристову сгрузить рюкзак и, получив деньги, весело, налегке закрутил педали. Аристов достал билет, купленный в турагентстве, недалеко от гостиницы, где провел бессонную ночь. Подозрительная бумажка. Номера автобуса нет, номера места – нет, откуда отправляется – не указано, но время – есть. Как купюра без подтверждающих её подлинность знаков. Жара, бессонные ночи основательно подкосили волевые качества Аристова, и он инфантильно оплатил этот билет. До автобуса оставалось двадцать минут. Прошло полчаса. Никакого автобуса. Еще четверть часа. Подъехала тележка с мороженым. На вопрос относительно остановки автобуса мороженщик, глянув на Аристова грустными индийскими глазами, ответил, что стоит тут неделю, но туристических автобусов, подбирающих на этом месте, да и поблизости, ни разу не видел. Назревала новая проблема. Аристову светила еще одна ночь в Дели. Крепко обругав себя, что два раза оплатил проезд до этой тележки, купил мороженое и откусил кусок сладкого холода. Дико заломил зуб, потемнело в глазах.

Но в Индии всё возможно. И когда зрение в полном объеме вернулось, Аристов увидел выворачивающий из-за поворота автобус, тормозящий прямо к нему. Как из другой части света, блестящий, нежно-сиреневого цвета Volvo, как это мороженое. «Мой!» – прочитал он табличку рейса.

2

В салоне автобуса совершился переход из царства Солнца во владения Луны. Аристов испытал легкую эйфорию. +18°C – светилась над кабиной водителя приятная глазу цифра. А над сидениями на полках сложенные шерстяные пледы, если вдруг ночью станет зябко! Место было у окна. Аристов с чувством расположился на кресле, откинул голову на подголовник, но с подлокотником по левую руку не повезло. Сидящий рядом индеец вцепился в него пухлыми пальцами. Аристов поджался и положил ладонь на колено, а голову повернул к окну. Кровавый глаз солнца, подернутый лиловой дымкой, висел над горизонтом. «Солнце Махабхараты», – эпически заключил Аристов, покачиваясь в салоне с затемненными стеклами. Вечер медленно вытаскивал из двухмерного пространства нестерпимого пекла долгожданную координату в другое измерение, подобно длиннющей тени, ползущей от столба. Жизнь, приутюженная жарой, становилась объемнее и наполнялась смыслами, потерянными в протрации высоких температур. За стеклом темнели зеленью банановые рощи, открывались рисовые поля с хвостиками всходов, и опять рощи, поля, рощи – и вдруг – блеск! – сахарной белизны купол храма в мареве набирающей темноту зелени. Хижины из бамбука и соломы, каменные постройки с длинными узкими, будто прищуренными окнами, с рекламными щитами, зовущими купить буль-

онные кубики... сотовую связь... и, конечно кока-колу, – а как же без этой прохладной бутылочки?! Люди, люди; коровы, с выпирающими ребрами и ключицами, и недоеным выменем почти до земли. Автобус сбавил ход и пошел в поворот. Под деревом на кровати сидит старуха и вычесывает из головы девочки гнид. Туалет с одной каменной стеной, открытый ветрам и взглядам, так называемый outdoor, общий писсуар с шеренгой справляющих нужду, один из которых в сине-клетчатом дхоти и с корзиной огурцов на голове.

Аристов шмыгнул носом и повернул голову. Сосед ел земляные орехи, сняв обувь, поджав ноги под себя. Его носки источали канализационный запах. «Никуда не деться, чем хуже – тем лучше», – смирился с вонючими ногами индийца Аристов – и расшнуровал кроссовки, сбросил их, задвинул под кресло, с удовольствием пошевелив пальцами ног. Тут же спохватился и перехватил освободившийся подлокотник, пока сосед поедает орехи из бумажного кулька.

«Из какой страны? – с раздражением спросил Аристов индеец, глянув на занятый подлокотник, и, не заставив себя ждать ответа, добавил: – В Нилгири?»

«В Нилгири», – ответил Аристов.

«В Нилгири многие едут, в основном туристы в поисках этого... – он сделал паузу и, самодовольно усмехнувшись, закатил зрачки под свой индусский лобный потолок, – ищут там Индию, а Индия тут! – кивнул он на окно, за которым сумерки застилали уставшую от жары равнину. – И в Бангалоре, нет, я не про Сай Бабу, а про нашу Кремниевую долину. Слышали, наверно?»

«Слышал, – глуховатым голосом ответил Аристов, – и про Сай Бабу тоже».

«Я ни от чего не отговариваю, вы человек в годах уже, – наконец оторвался от орехов и окинул Аристову взглядом, – но никому из этих гуру так сразу не доверяйте. Среди них полно шарлатанов и фокусников, это я вам говорю как индеец. Есть просто попрошайки, без них Индия не Индия; а эти якобы восполняют ваш духовный пробел, прикрываются верой, сами распускают про себя чудесные истории. Но это бизнес. После сеанса медитации... или даже после того, как осчастливили вас лицезреть себя – обязательно не забудут попросить денег. Возьмите тех же хиджр, что-нибудь знаете о них?»

Аристов изобразил недоумение.

«Хиджры», – повторил индеец.

«Хиджры? Нет. А кто это, люди?»

«Вроде как люди, да не совсем».

«Да-а, а кто тогда – боги, что ли?» – съязвил Аристов, сделав удивленные глаза.

«Кастраты», – сказал индеец и, бросив в рот орешек, щелкнул его. Прожевав, с недоверием покосился на Аристову – правильно ли тот понял слово? – и повторил с чувством и расстановкой: «Ка-астра-аты. Были мужчины – перестали ими быть после того, как мужские шары чик – и в сторону. Но и не женщины, а – оно. Андрогини. Как и боги. Боги же должны быть целокупны, да?» – Опять вопросительно глянул на Аристову.

«Косметика, губки подведенные, в сари, – но плечистые. Там красивая древняя легенда, и хиджры из неё вышли... Чтобы победить извечных врагов, одному клану нужно было принести в жертву богине Кали прекрасного молодого человека. На этот подвиг нашелся только один

желающий, принц Араван, девственник, но с условием – после брачной ночи. Среди принцесс не было ни одной, согласившейся на такое: быть вдовой, да еще в Индии – незавидная участь. Видя это, бог Вишну принял облик принцессы Мохини... Свадьба, брачная ночь, жертвоприношение. Так и хиджры разыгрывают эту мистерию, становясь на ночь женами ставшего божеством Аравана...»

Пока слушал переложение эпоса, Аристов накрыло воспоминаниями – что видел этих хиджр! Но не понял тогда, кто это и что это такое. Как-то в одной из его поездок по вагону второго класса ходили мужеподобные женщины или женоподобные мужчины – и просили, нет – требовали, буравя жесткими взглядами, подавание.

«А денег не дадите – запугают до смерти, – подобрев от выговоренного, продолжал индеец. – Не знаю, как раньше, – стянул он с полки плед и закутался в него, – а сейчас там процветает проституция. Удобная лазейка для гей-культуры в традиционной Индии». Он зевнул, пожелал Аристову доброй ночи и закрыл глаза.

За окном густую мглу расцветивали далекие огоньки, а близкие проходили волнами по стеклам окон. Вот приближается куб, залитый желтым светом. Остановка. Это передвижная кухня на колесиках. На прилавке, огражденном прозрачным пластиком, горят маленькие свечки, как осенние листья лежат стопки лепешек – чапати, в лунках – горки вареного гороха, кусочки картофеля и, конечно, острые приправы. Белозубый кулинар с надеждой смотрит на открытые двери автобуса – выйдет ли кто к нему? Нет – не будет с этого рейса навару. Водитель кричит: «Едем, едем!» Двери бесшумно закрываются. Автобус незаметно трогается. По стеклу окна скользит беспросветная тьма. Долгожданный сон берет в оборот. Но через час-другой, раскачиваясь на поворотах, Аристов заворочался и проснулся. С полки упала бутылка с водой. Дорога пошла в горы.

3

Аристов лежал под москитной сеткой в комнате зачуханной гостиницы, с общим туалетом в конце длинного коридора. На другой кровати в той же комнате лежала Джоан. «Спящая красавица под балдахином такой же москитной сетки... Но поцелую, вызволяющему из заколдованного сна, ни за что не бывать!» – пробил Аристову нервный смешок. Джоан некрасива.

Не успел Аристов осмотреться и распаковать рюкзак, как в дверь постучали. Администратор гостиницы извинительным тоном объяснил Аристову ситуацию. Женщина, приблизительно одного с Аристовым возраста, все номера заняты, одна свободная кровать в этом двухместном, если бы она была индианка, то и разговора не было бы, а так – если мистер не против, он уронит цену в два раза. Мистер не против, цена ценой... но куда ж ей идти на ночь глядя... Сначала въехал, заволокли её рюкзак, как двойка бобслеистов, а потом вошла Джоан с мини-рюкзачком на груди.

Она сказала Hi! Аристову и Fuck! индийскому сервису... Бронировала по интернету, и вот же... Она тоже в Нилгири, но хотела бы здесь недельку походить, посмотреть. Джоан из Австралии. Полгода работает, а на осень и зиму в Индию. В Австралии архитектура – прямые линии и углы, стекло, пластик. В Австралии фастфуд, сёрфинг и социальные гарантии. Одним словом – тоска. Fuck. Джоан надела беруши,

пожелала доброй ночи и полезла под сетку. Тучи комаров зудели всю ночь. Если высунуть из-под укрытия лицо на минутку и шлепнуть по щеке или по лбу – кровавое месиво.

Fuck. Но под сеткой жить, спать можно. Если Аристов и охватывали минуты сомнения – чего он сюда поперся? – то сейчас улетучились. Да и в чем сомневаться, есть выбор? Всё правильно делает. Одна дорога всем – в Нилгири, вот и Джоан туда же. А если кто-то думает по-другому и на что надеется – что ж, тогда им на ухоженные лужайки, что на рекламных щитах в окнах банковских офисов, на которых уверенные в себе их взрослые дети и краснощекие внуки; а на переднем плане они, во весь рост, достойно прожившие жизнь бабушки и дедушки, не потерявшие способность с оптимизмом смотреть в будущее с хорошими процентами по пенсионным вкладам. Аристов одним махом негодующей мысли распорол этот плакат, и действительность оказалась в помещении, где сидят усталые и больные бабушки и дедушки, не в силах выстоять очередь, волнуются у терминала, плохо понимая, как в эту очередь получить талончик. Ну а кто забрался выше по социальной лестнице – у тех свои тараканы: пригоршни антидепрессантов и карточная колода психотерапевтов. Аристов вспомнил древние изречения, не оставляющие никакой надежды, будто берешься за оголенный провод под током: и говорится там, что некоторые ведь не знают, что нам суждено здесь умереть (Аристов бы добавил: почти все)... и говорится там, что наше тело полное изъянов, гнездо болезней, роящихся мыслей, в которых нет постоянства... это брэнное тело, эта гнилая гурда разлагается (Аристов бы добавил: время – обманщик, создаёт иллюзию момента, как будто непреходящего – и мы не видим катастрофы изменений)... а в конце своей жизни мы гибнем, как старые цапли на пруду, в котором нет рыбы. Или лежим, как сломанные куклы, тяжело вздыхая о прошлом. Знакомый, бывавший в Нилгири, сказал, что не сможет ничего объяснить, да и не понять будет с чужих слов. Но есть возможность выхода из этой безысходности, а готовым надо быть ко всему, там экстрим. «Ты же был в Индии, – сказал он напоследок, – езжай сам».

4

Кофе в граненом стакане был что надо. Вставлял и приводил в чувство. Такой крепости Аристов уже и не помнил, где пил. И всего двадцать рупий за полный стакан с нежной ароматной пенкой. Но в Индии же всё возможно. Аристов сидел на веранде гостиницы за завтраком и в ожидании Бахадура, так звали проводника, который поведет его горной тропой в Нилгири.

А Джоан в чем-то засомневалась, сказала, что еще подумает – пойдет ли в Нилгири. Поговорила утром с одним бриттом, вернувшимся оттуда, и тот чего-то наплел ей, а что – Аристов, в пересказе Джоан, так и не понял. Закрученная фраза, не хватило английского. Аристов не стал вздергивать брови и просить повторить, но сделал вид, что принял информацию к сведению, но своего решения менять не будет. Вообще Джоан ничего, располагает к себе. Вчера с этим вторжением к нему в номер показалась страшенькой. Они обменялись адресами, номерами телефонов, но никто не позвонит, не даст эсэмэс, и они это знают, politeness, форма вежливости. Она чем-то напомнила актрису Джейн Фонду в годах, демонстрирующую с обложек журналов американский

оптимизм и активный образ жизни. Были бы помоложе, поехали бы с ней на пару, походили. Аристов настроился еще на стакан кофе, но не вовремя объявился Бахадур, настойчиво убеждая поторопиться, чтобы к вечеру быть в Нилгири. Он сразу поведет к учителю, Калачандр. Завтра поздно, Калачандр уйдет в пещеру, в затвор на несколько месяцев, будет глух и нем к миру. Бахадур много лет водит в Нилгири и знает, что из всех, кто сейчас там, Калачандр – самый-самый.

Чем выше, тем просторнее, воздушнее леса; а люди неторопливее, сдержаннее, у них светлее кожа и раскосые глаза. У Бахадура и вовсе монголоидные глаза с набрякшими веками. Тропа сыпучая. Аристов идет следом, стараясь ставить ноги на те же камни, что и Бахадур. Когда тропа расширилась, они пошли рядом, и Бахадур заговорил. Неизвестно: являются ли его рассуждения подготовкой встречи с учителем или просто личная инициатива? Как ни странно, скудный запас английских слов, которым он пользовался, излагая непростые вещи, не мешал Аристову ухватить суть и прокрутить для себя, на русском, придав образности усложненным синтаксисом. Так бы это выглядело в каком-нибудь средней руки общеобразовательном журнале по вопросам религии и философии и если бы автором был Аристов. Бахадур говорил, что никогда не стоит полагаться на будущее. Завтра – это салфетки на столе, где нет даже столовых приборов, и ты можешь только обтереть губы, коль так не терпится. Бахадур говорил, что западная религия заявляет – никто не благ, никто не просветлен, кроме Бога. Проводит черту разделяющую, жесткую духовную вертикаль, и от этого напряжение, скованность и отсутствие свободы. Это заблуждение. А здесь, в Гималаях, люди и боги расслабленнее. Кто сдернул вуаль неведения относительно своего я – становится просветленным, здесь все на одной горизонтальной плоскости – и боги, и люди. Хотя есть зеленые долины и горные пики в сиянии снега. Бахадур говорил, что не имеет большого значения, махараджа ли ты или из касты неприкасаемых; звезда Болливуда или чистильщик обуви в трущобах Мумбая. В позе лотоса днями просиживаешь или руль автобуса крутишь. Главный итог всей жизни – понять свою истинную природу и жить в соответствии с этим.

Когда широколиственные леса сменились хвойными, Аристов спросил Бахадура: сможет ли он что рассказать о Нилгири, помимо общеизвестного, растиражированного в туристических проспектах?

Бахадур ответил: «Да, есть что добавить. Нилгири сейчас в основном известно как популярное место, духовный центр, школа медитативных практик. Сюда съезжаются со всего мира. Но есть и другая сторона...»

Бахадур замолчал, подбирая слова, и, замедлив шаг, продолжил: «По Индии бродит некий орден аскетов, немногочисленный, он видел их всего несколько раз. Одеты они во всё черное, к ремню на пояснице подвешены черепа разных мелких животных, говорят про них, что носят с собой и человеческие. Они придерживаются крайних взглядов. Для них нет разницы между белым и черным, золотом и... дерьмом. Некоторые из них, когда приходит старость, немощь, чтобы не быть обузой себе, бросаются с отвесной скалы, разбиваясь насмерть. Скала находится в горном массиве Нилгири. Это не самоубийство. Для них жизнь и смерть – как смена дня и ночи в бесконечности времени. Они уходят, падают в изначальное состояние, чтобы потом вернуться в новом рождении или не возвращаться. Правительство, полиция пытаются бороться с этим, но безуспешно. А как уследить, узнать, с чем человек поднимается?»

У Бахадура дернулось веко. Или он заговорщически подмигнул? Аристов это насторожило.

«В этом году, весной, было несколько случаев. Вот это и придает Нилгири славу мрачной таинственности. – Отвернувшись, Бахадур взял Аристову за руку, а пальцем другой руки указал на горный склон ущелья. – Смотри, отсюда уже видна скала, вон выступ там... Оттуда бросаются». Аристов остановился, всмотрелся – разглядел, проследил всю линию отвесную вниз. «Ух! – вырвалось у него, и по телу пробежал холодок. – Ну и высоко же!»

5

Голый по пояс Калачандр сидел на дощатом полу, застеленным шкурой снежного барса. Ноги укрыты иссиня-черным покрывалом. Длинные волосы, сплетенные в локоны, беспорядочно ниспадают на лицо. На шее под кадыком на шнулке блестит медальон. Аристов, как ни вглядывался, не понял, что там. Лоб, лицо Калачандра вымазаны пеплом. «Священным, – знал Аристов, – всё что останется от нас».

Подворачивая шкуру, чтоб было повыше, подсаживается он к Калачандру. Морда барса, передние лапы ползут за шкурой, хотя кажется, что зверь вцепился когтями в пол. В хибаре полумрак. У входа две керосиновые лампы, похожие на колбы с вытянутым горлышком. Чад, мерцают керосинки; и никаких курений благовонных масел, а поблескивают выпуклые мертвые глаза барса. Калачандр берет музыкальный инструмент с длинным грифом, закрывает глаза и начинает играть на двух струнах.

Эти звуки никакого отношения к музыке в привычном понимании не имеют. Изгиб мелодии, пульс ритма отсутствуют, не прослушиваются. Звуки равно удалены и равно приближены, как ни кажется абсурдом такое, потому что никак не нащупать точку отсчета. Нет начала, нет и конца.

А есть ли продолжение у этих звуков? – нет, и не потому, что нет длительности – длительность есть, но звуки не идут в тебя, их нет и рядом, они ничего не касаются, они отстраненные, не вызывают чувств, а значит, не имеют продолжения, времени. Ничем не наполнены, и не пустые. По бесконечной прозрачной плоскости несется куда-то светящаяся бусинка, ошалело, непредсказуемо, но с головокружительной свободой, потому что нет ничего, что можно предсказать. На запястье Калачандра четки из таких бусин, но черных, нанизанных на нить судьбы, отливающие желтым цветом керосинки. Потом на несколько тактов, которые, оказывается всё это время, отсчитывал Аристов, всё покрыла гармония.

Но что-нибудь подобное по ощущению слышал? – нет, ничего общего ни с восхождениями к звездам Баха, умиротворяющей сердце литургией. Ни с музыкой Востока, ни с едва уловимой мелодией сновидения.

Но что-нибудь все-таки должно быть? – да – Калачандр, дергающий за струны и бьющий ногтем по корпусу инструмента. У Аристову закружилась голова и заныло в пояснице. Он открыл глаза – и отпрянул! – Калачандр дышал ему в лицо. Инструмент лежал в стороне. Широко раскрытые глаза, радужная оболочка, подчеркнутая красным штрихом. Это не глаза – а вспышка световых лет в космосе, с лопнувшим капилляром жизни, кровавой меткой времени! А лицо – сначала – звездная туманность, переходящая в плывущие облака, застывающие в маску паца с бессмысленной улыбкой, оживающую в человеческое с бровями

вразлет, длинным носом с горбинкой, пульсирующего жилкой... Калачандр убрал волосы с лица и вытащил из-под шкуры трубу с широким раструбом. Вставил мундштук, приложил к губам и стал дуть. Звуки были высокие и какие-то крикливые. Через некоторое время Аристов обнаружил исчезновение большей части своей личности. А дальше его не стало совсем. Калачандр выдул Аристову из Аристову. Осталось одно его название, но потом схлопнулось и оно. Аристов перестал знать, что он – Аристов. Как он мог это понять, являясь ничем, – не ясно. Когда Аристов возвратился и заполнил себя, то увидел, что Калачандр с силой ударил в ладоши, а труба лежит рядом... Затем Калачандр убрал волосы с лица, взял Аристову за мочку уха, притянул к себе и сказал в ухо: «Прежде всего не бойся». Калачандр сказал, что сначала будет говорить на санскрите и хинди, – понимать не нужно, только слушать; а затем перейдет на понятный язык.

Он повторил несколько раз одну длинную фразу скрипучим, шумящим голосом. Затем Аристов отчетливо услышал: «Нет старости – нет и спасения от неё, нет смерти – нет и спасения от неё. Нет неизбежности – но от неё не уйти. Нет и меня, но ты не мог не услышать, что я сказал».

Замолчал. Отпустил ухо. Аристов отодвинулся. Тишина стояла со светильниками у дверей. Аристов вдруг понял: Калачандр хочет, чтобы он спросил его о медальоне на шее. Аристов спросил.

«С одной стороны череп, – Калачандр снял медальон с выпуклым рельефом и показал Аристову изображение с выступающим лбом, – с другой, – он перевернул медальон, приблизил его к глазам Аристову и после короткой паузы сказал: – у него много имен, здесь он – человек. Но это – так, пустяки. Не держись за себя». Калачандр бросил медальон в сторону. Снял четки, разорвал нить и швырнул их к двери.

«Дальше вот что, – продолжил он напутствие, – Бахадур отведет тебя. Выберешь сам. Но если остались проблемы, сомнения относительно себя, можешь там разом со всем покончить, если тебя так волнуют этот воздух, камни... Тебе могут понадобиться деньги, долларов пятьдесят, ты был предупрежден. Иди. Бахадур ждет тебя за дверью».

Аристов вышел. Бахадур посмотрел на Аристову, потом на небо и настоятельно потребовал поторопиться, пока солнце невысоко и нет ветра. Аристов спросил, куда они пойдут и что там? Бахадур сказал, потупившись в землю, что это кульминация, завершающая часть духовной практики, и повторил, что надо торопиться.

Крылья задерживали падение. Раскрывали простор раннего утра, искрящегося золотистой синевою неба. Аристов парил в пространстве, и его переполняло счастье. И когда расширились зрачки и он открыл рот от радостного удивления, выпал зубной протез. «А, бог с ним!» – попрощался с фальшивыми зубами Аристов, провожая их в темную дымку ущелья. Но счастья же нет, но от него же никуда не деться, – парили рядом слова Калачандра.

Аристов знал, видел неизбежную встречу с землей. Но неизбежности же нет...

В Дели было 35. За две недели отсутствия Аристову накатила первая, еще слабосильная волна муссона. Небо разрывал холостой гром, скользили прозрачные молнии. Моросил дождик. Тяжелые ливни при-

дут позже. Аристов остановился в той же гостинице, но в номере без кондиционера. Вентилятора под потолком было достаточно. Он включил телевизор, отыскал новости ВВС и вытянулся на кровати. Взятая пересчитывать оставшиеся деньги, выплыла лишняя десятка. Полет на параплане с инструктором со скалы в Нилгири обошелся в сорок долларов. Аристов оценил, как ловко это было подстроено. Ну что ж, такая дорожная карта духовной практики у Калачандра. Его провели по самому краю пропасти и показали, что спасения нет от того, что мы наделяем реальностью. Есть два пути – тьма бездны или парение в небесах. Но если разницы между ними существенной нет, как говорит Калачандр, то Аристов для себя выбирает парение в небесах под синими крыльями параплана. Аристов отвинтил пробку с бутылки коньяка, которую провозил с собой в рюкзаке. Из горлышка допил остаток. На экране пошли картинки со строкой breaking news. На западное побережье Индии обрушился тропический циклон. Свинцовое небо, застелившая береговую зону мутная вода. Перевернутые, разбитые в щепки лодки, затопленные деревни, плавающие автомобили, стрекот вертолетов, эвакуация людей, крики, шум стихии...

НИВЕЛИР

Виталий снял треногу с плеча, раздвинул ножки, осмотрелся и принялся острыми наконечниками тыкать... а-ку-пун-кти-ро-вать промерзлую бугристую землю, устанавливая нивелир на краю котлована. Вспомнил он это несъедобное словечко из Энциклопедии... Стянул перчатки, склонился к прибору военного зеленого цвета, уж как похожего на малярийного комара, заматерелого переростка, видимо, подпавшего под акселерацию, как и все живое в начале шестидесятых... Улыбнулся, отмахнулся от насекомого, залетевшего к нему из детства в этот ветреный ноябрьский рабочий день; и, покручивая колесики подъемных винтов, стал выводить пузырек уровня к центру. Пузырек покатался гондолой туда-сюда, и успокоился в нульпункте.

«Николай, – крикнул Виталий – да держи ты рейку прямее!»

И не отрываясь от окуляра, вытянул вверх руку и махнул ладонью:

«Правее, правее давай!» Рейка с красными и черными метками, наконец, попала в оптический круг...

«Ну, и что увижу сегодня?!» – затаив дыхание, одним оборотом навел резкость.

Судя по всему – было лето. Николай поднабрал годиков; в волосах, зачесанных за уши, проскальзывала седина. Щеки запали, скулы выперли. Он воровато оглядывался. «Стирил какой-нибудь гаечный ключ или наборную отвертку», – усмехнулся Виталий, и приблизил Николая в фиолетовом пиджаке с широкими плечами, одетым на блеклую спортивную майку с иностранным словом, каким – не разобрать. На Николае были также спортивные брюки с отвислыми коленями, и весь он стоял – какой-то пожеванный. Впрочем, пожеванности добавляла нечеткость изображения. Виталий еще разок глянул на озабоченную размытую фигуру, настроил резкость и перевел нивелир на административно-бытовой корпус. А здесь мела поземка. Та же поздняя осень. Двери с фасада были сняты. Рядом вместо таблички «Завод металлоконструкций» из керамзитовой плиты торчали лапки крюков и темнело пятно. На водосточной трубе трепетал клочок оборванного объявления. А порывистый степной ветер надувал грязновато-серый полиэтилен на окна мертвого здания.

«На капремонт АБК поставили, что ли?» – удивился Виталий и прокрутил зрительную трубу на четверть круга.

«Ух ты! – вырвалось у него. – Ничегошеньки! Безликое дневное небо!». Взгляду не за что зацепиться, не на что повесить жадную, пытлившую мысль, трепещущую на порывистом ветру. От этой слепящей беспредельности, от невозможности на чем-то задержаться у Виталия похолодело внутри, и он одним движением крутанул прибор на спасительную фиолетовую конкретику. Пиджак был тем же, но сильно по-

износился, пообвис на плечах, потух. И Коля претерпел значительные изменения. Его будто расплющило, раскатало. Будто прошелся по нему каток времени... и не вчера. Обиженный на жизнь старикан по центру стеклянного круга.

«А что там с АБК?» – нервно дернул свою подозрительную трубу коченеющими от холода пальцами. И АБК преобразился, но, напротив, в лучшую сторону; посвежел, стены выкрашены, на окнах жалюзи. В двери поблескивал, как у циклопа, глазок. Под карнизом вывески: «Шиномонтаж» и «Перспектива». И, похоже, было тепло. Виталий аж почувствовал запах свежей краски, как в парке весной, когда красят скамейки.

«А там в степи?» – опять нетерпеливо стал всматриваться в даль. А «там» этой степи не было. И даль отсутствовала. Везде простиралось необъятное пространство, лишённое точек отсчета, но затягивающее, как в жерло, – и Виталия закрутило, протащило по трубе и выбросило – в черный космос. И он ощутил себя внутри шара, вмиг распавшегося, как и не было совсем. Опять в каком-то пузыре, тут же лопнувшем. А где звезды, ну или... звездная пыль? – ничего, ничего нет. Хотя бы космический мусор? Или это какой-то другой, вывернутый наизнанку, космос? Виталий, не выходя из завладевшего им пространства, нашел в себе силы отправить импульс онемевшей руке, пошевелил пальцами и перевел нивелир назад, чтобы ухватиться, ну хоть за что-нибудь, за обшарпанные лацканы Николая. Но где он? Где Коля!? Смылся!? Куда!? Смылся в том смысле, что его нет вообще, нигде. Николай стал пустым местом. Умер – какое-то угловатое слово. Как обрешетка из угловой стали, ничего теперь не держащая. А тут пустое место. Как описать пустое место? А никак. И от АБК тоже никаких следов, ни битого кирпича со стеклом. Ни горки пепла. Будто ничего и не было. Никакой перспективы, ни прямой, ни обратной. Виталий запаниковал и вернул прибор на космос – но хрен редьки не слаще. «Везде одна, одна беспросветность», – запричитал он, погружаясь в пучину мрака. Его охватило нестерпимое отчаяние. И вдруг – Проблеск! Или это его мысль о Проблеске? Мысль увидеть Проблеск. Но он вцепился в эту мысль и продолжил её: он и есть Проблеск! Не все так безнадежно. Оторвался от нивелира, громко выдохнул и посмотрел на Николая, скучающего с рейкой на другом конце котлована. «Николай! – крикнул он. – Всё!» Поднял и скрестил руки. «Всё. Обед».

Вчера допоздна была планерка, и вагончик прокурили на пятилетку вперед. А из открытых шкафчиков несло пудовым рабочим потом. Виталий захлопнул дверцы, высыпал окурки из пепельниц в помойное ведро, включил отопление и чайник; глянул на Николая, развернувшего газету с тормозком, и сел ждать, когда вскипит, как тут ему послышалось, – что на улице прокудахтал мотор, пофыркал и смолк. А оно так и есть: двери распахнулись, и в вагончик решительно вошел невысокий человек в мотоциклетных очках и кожаном шлеме. Он стряхнул с блестящего черного плаща снег, поднял очки на лоб и оглядел бытовку. Хмуро пробежал взглядом по Виталию с Николаем, нервно дернул головой, но, увидев нивелир, прислоненный к шеренге шкафчиков, расплылся в улыбке, цокнул языком и сказал: «Вот».

Подошел, встряхнул треногу, как поставленного в угол пьяного; и, склонившись, стал рассматривать привинченную к подставке табличку. «Он. ОКШАМ-78». Довольный, поставил нивелир обратно и, кивнув Виталию, добавил: «Кочнев, из экспериментальной лаборатории. Если

нужно удостоверение, извольте, – и вытащил из внутреннего кармана плаща красную корочку. – Я за ним. По ошибке отгрузили, в отделе чёрт-те чем занимаются. Опытный экземпляр».

Кочнев ласково посмотрел на нивелир, подмигнул ему и сел на скамейку. Закинул ногу на ногу и оповестил пространство бытовки: «Сейчас перекурю это дело и назад». Вынул из бокового кармана мятую пачку «Примы», вытянул, покатав в пальцах сигарету.

«А если бы не нашли? Под суд пошли бы. Все. И я, что недосмотрел». Прикурил от квадратной железной зажигалки, но, вдруг, что-то вспомнив, прищурился и строго спросил, покосившись на Виталия: «А ты прибор-то еще не ставил, в работу не брал?».

«Ставил, – неуверенно ответил Виталий, – завтра бульдозер должны дать».

«Ну и что ты там смотрел?»

«Как что – отметки на рейке», – ответил Виталий, опустив голову и исподлобья поглядывая на Николая, как бы приглашая того в свидетели. Николай перестал жевать курицу, вытер пальцы о газету и икнул.

«Ясно-понятно с тобой, – отчеканил Кочнев и наконец-то затянулся, подставляя ладонь под столбик пепла, – но ты здесь ни при чем. Отдел виноват. А теперь слушай внимательно и запоминай, – он встал, подошел к столу, стряхнул с ладони пепел в раковину из алюминия. – Всё что видел – забудь. Считай – этого не было. И никому. И ты, – блеснул глазами на Николая, – не работал сегодня, отгул взял. В общем, высоты еще не мерили. Завтра будете, когда другой из управления привезут».

Кочнев сел обратно. Виталий пошел и выключил чайник, у которого прыгала с брызгами крышка, а Николай дожевал курицу, икнул и мутно посмотрел на Кочнева.

Немного помолчав, Кочнев нехорошо улыбнулся и взволнованно продолжил: «Ну а если развяжется язык, по пьяни там или попрет раж какой, на тот случай дана инструкция – говорить вот эту легенду. Сейчас скажу. Это чтобы разговор не выходил с плоскости инопланетян всяких и снежного человека. Несерьез, одним словом. Пурга». Виталий смотрел куда-то в угол; а Николай, не отрываясь, смотрел на Кочнева. «Пойдите к прибору и посмотрите на табличку, – властно сказал Кочнев: – ОК-ШАМ-78». Виталий с Николаем встали и подошли. Посмотрели. Виталий пожал плечами, а Николай провел пальцем по табличке и повторил губами название. Пошли назад, сели.

«А что это значит? – Кочнев старался смотреть на обоих. – А это значит – “Око шамана”; 78 – год разработки. Дальше детали. Бурятский шаман во время транса, это когда в танце с бубном его трясет, как в нервном припадке, входит в состояние су-пер-по-зи-ции, в инструкции так написано; и в этом состоянии он способен видеть будущее и прошлое, проходить разные пространственно-временные кон-ти-ну-у-мы, забираться в глубины космоса, в инструкции так. И вот тут-то его цап, усыпляют, извлекают правый глаз, в хрусталике которого зафиксировалась эта суперпозиция. А дальше дело техники. Шаману вставляют искусственный. И отпускают. А его глаз передают в секретную лабораторию. И над ним колдуют биологи и физики. И вот на выходе нивелир. ОК-ШАМ. Поняли?»

Кочнев деловито потер руки: «Засиделся я тут с вами. Пора. Ну, лады? И смотрите у меня...» – он шутливо погрозил пальцем и подошел к нивелиру. Виталий ушел в себя; а Николай вдруг встал, подошел к Кочневу, складывающему треногу, и сказал: «А это... Оно... А можно

оставить нам его на день, на один, очень нужно, позарез? – и провел раскрытой ладонью по горлу. – Завтра сами привезем куда скажете».

«Ты что, с ума сошел, на какой день?» – занервничал Кочнев и стал спешно стягивать ремнями ножки треноги.

«Оставь, начальник, на день, не жопься, завтра привезем целехоньким», – навис над Кочневым Николай, схватил треногу и потянул на себя. Кочнев взвизгнул, отпустил нивелир и толкнул Николая в грудь. «Ах, гадина конторская, ты чё буром прешь!» – прошипел Николай, стянул с Кочнева очки, шашвырнул их в другой конец бытовки, схватил за широкие отвороты плаща, мотнул Кочнева и завалил под себя. Нивелир гулко стукнулся об пол, у трубы отвалилось стекло, из нее выкатился прозрачный шар. Виталий вскочил было разнять дерущихся... Но к его ногам подкатился шар, остановился, прокрутился и будто стрелой света ослепил его, пронзил насквозь...

«Начальник, ты чё заснул там, руки, ноги замерзли! – хрипло крикнул Николай. – Эй, давай, очнись!» – и задвигал рейку.

«Да щас, подожди ты», – пробубнил Виталий и отогнал прочь свои посторонние мысли, эту историю со всевидящим нивелиром, с дракой в бытовке, которую только что придумал, придумал, пока мерил высоты на краю промерзшего котлована, в промзоне, среди заснеженных степеней, в глухой тоске бесконечного однообразного дня...

В круге замаячили риски, и Виталий взял замер. Записал.

Они шли с Николаем в бытовку. Николай посмотрел, посмотрел на Виталия и как-то мечтательно сказал: «Не помню, говорил тебе, нет? У меня жена беременна. А кто будет – мальчик, девочка? Вот был бы прибор, чтобы посмотреть в будущее». «Кто будет? – заулыбался Виталий. – Мальчик, кто же еще». – И крепче сжал замерзшими пальцами штатив нивелира на плече.